

ОПЫТ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ДО 1596 Г

Юрий Корablёв
Гомель, Беларусь

Статья ставит своей целью дать оценку опыту религиозной политики королевских властей Речи Посполитой в отношении православной церкви на протяжении 1569-1596 гг. Анализируется модель отношений между церковью и государством, ее место в общественной жизни.

Ключевые слова: православная церковь, Речь Посполитая, государственная политика, религия

С самого начала своей истории Речь Посполитая была тесно связана с католической церковью. Общеизвестно, что монархи, верхушка знати за редкими исключениями и значительная часть деловых слоёв населения исповедовали католицизм. Это было вызвано прежде всего с интенсивными политическими, экономическими и культурными связями между польшей и Европейскими странами в которую с 14 в. вовлеклось и ВКЛ, прежде всего через политические союзы с Польшей и выгодную торговлю [1].

Таким образом приверженцы другой крупнейшей конфессии – православия, находились в статусе религиозного меньшинства. Однако вплоть до Брестского собора, где кардинально изменились сами отношения между Римо-католической и православной иерархией, сторонники восточного обряда пользовались обширными правами, а также привилегиями, что было закреплено в ряде документов [2]. Можно говорить о достаточно лояльном отношении властей к деятельности дисунитов в некоторых случаях и после брестского собора [3], это было скорее всего связано с реальной угрозой со стороны противников унии.

Справедливо предположить, что религиозная толерантность присущая Речи Посполитой «золотого века», происходила из внутригосударственного баланса сил и страха перед социальными взрывами, ярким примером которых в религиозной форме послужила реформация [4, с. 404].

Косвенно это подтверждается кризисом Речи Посполитой, на основе этно-конфессионального конфликта после того, как этот баланс нарушился и наметился окончательный упадок «русской» общины в стране. Толерантность в самых разных сферах ушла в прошлое, происходила поляризация в обществе. Форсировался процесс полонизации и переходы в католичество традиционной знати. В таких условиях на Украине полонизированная знать заместила казачеством, а дисунитские иерархи стали моральными авторитетами вместо принявших унию. Казаки начали отстаивать положение дисунитской церкви ультимативно [5, С. 116–117]. Затем развернулось

национально-освободительное движение под руководством Богдана Хмельницкого, ставившее в качестве одной из основных задач свободу православной церкви. Всё это говорило о несостоятельности религиозной политики государства в 17 веке.

Для того, чтобы найти корни этой ситуации необходимо обратиться к предыстории. На момент подписания Люблинской унии 1569 г. религиозная карта Речи Посполитой представляла собою лоскутное полотно: католики, православные, лютеране, кальвинисты и другие протестанты, православные ереси, иудеи и мусульмане. Власти не имели ресурсов для силового разрешения проблемы, ситуация обострялась Ливонской войной, не оставалось более эффективного способа урегулирования ситуации нежели легализация крупнейших течений. Права православной шляхты на этот момент уже были гарантированы упомянутым выше Виленским статутом 1563 г. [2].

В этих условиях появился новый документ, в числе прочего подтверждающий прежние права православной церкви и устанавливающий порядок межконфессионального взаимодействия и отношения с государством. В качестве гаранта и блюстителя прав выступала обширная шляхетская конфедерация. Документ стал эпохальным кроме прочего и потому, что в нём объявлялась полная свобода вероисповедания, чего добивались протестанты. Это сделало Речь Посполитую одним из самых свободных в религиозном плане государств Европы [6].

С течением времени общественно-политическая ситуация стабилизировалась. Власти начали укреплять свою поддержку в кругах католической и симпатизирующей католикам шляхты, лавируя между группами интересов. Государство по-возможности избегало конфликта с протестантами и православными. Одновременно, пользуясь ситуацией, католическая церковь при поддержке властей через унию стремилась компенсировать на востоке европы утраченные в Священной Римской Империи позиции. Выдвигались многочисленные условия для православных [7, С.111–112].

Немалую роль в формировании религиозной политики королевских властей в преддверии унии сыграл иезуит Пётр Скарга, оставивший после себя немалое письменное и документальное наследие. Наиболее влиятельное произведение Скарги было издано в 1577 г. под названием «О единстве Церкви Божией под единым пастырем и о греческом отступлении от сего единства, держащимся греков». Среди прочих иезуитов активной работой на поприще контрреформации отличался Антоний Поссевин [8]. Однако несмотря на такие тенденции государство не вмешивалось в дела православной иерархии и ссылалось на решения собора при вынесении внутренних дел церкви на королевский арбитраж.

Переломным моментом для религиозной политики стал кризис православной церкви зашедший особенно далеко в восьмидесятые годы 16 века, после чего власти отошли от позиции арбитра в религиозных вопросах, напрямую поддерживая католическую церковь и церковную унию во всём государстве [9, С. 197–198]. Эта линия политики властей была сформирована во время подготовки и организации посольства Ипатия Потоя и Кирилла Терлецкого в Рим, предшествовавшего Брестскому церковному собору. Уже после него, король 15 декабря 1596 г. окончательно подтвердил все его решения и предпринял репрессивные меры по отношению к противникам унии [10, С. 274–275]. С точки зрения властей именно поддержка унии обеспечивала Речи Посполитой наибольшую этно-конфессиональную стабильность и несла различные выгоды.

Причины упомянутого кризиса православной церкви были разноплановыми. Перво наперво стоял вопрос церковной юрисдикции. Светская власть считала своей прерогативой признавать православных митрополитов, епископов и прочих лиц духовного звания. Такой порядок назывался институт патроната - «*pravo podawania*» и позволял католическому государству регулировать православные церковные институты, это часто использовалось для продажи церковных должностей и имущества [7, с. 85]. Право патроната фактически означало открытие церкви для светских структур. Лица или корпорации могли свободно выдвигать своих кандидатов на церковные посты. Светские

лица получили право распоряжаться церковным имуществом, вмешиваться в церковную юрисдикцию и судопроизводство, а также участвовать в церковном администрировании.

Второй крупнейшей проблемой был вопрос об управлении внутри православной церкви. Наиболее авторитетный орган действовавший в Киевско-Галицкой митрополии – церковный собор, собирался крайне редко и не ставил на повестку дня действительно важных для церкви вопросов. Низким был и авторитет членов собора. Некоторые из участников собора ссылаясь на занятость вовсе избегали присутствия на заседаниях [11, с. 465].

Помимо управления и вопросов юрисдикции православная церковь испытывала большой дефицит в образованном духовенстве, образовательных учреждениях, типографиях и многом другом. Большую поддержку церкви на этом направлении оказывали клиросы, церковные братства [12] и богатые меценаты такие как например Константин Острожский [13]. Они так же играли не малую роль в налаживании взаимоотношений между церковью и государством. Для братств существовало даже право на «ставропигию» – самоуправление и подчинение только Константинопольскому патриарху, которое давало им большой паритет в диалоге с властями.

Исходя из описаного выше мы понимаем, что в Речи Посполитой, государственная политика по отношению к православной церкви означала прежде всего отношение государства к православной шляхте и магнатерии, в меньшей степени к мещанству и деловым кругам. Это было обусловлено тем, что рамках упомянутого кризиса и существовавшего права патроната, церковь полностью зависела от светских лиц. Ситуация стала меняться в худшую сторону по мере того, как усиливалась ассимиляция русско-литовской шляхты в польскую шляхетскую «нацию» а институты «русской» (белорусско-украинской) общины уходили в прошлое. Кроме того большим ударом по престижу «русскости» стали многочисленные перепетии Ливонской войны 1558–1583 гг. Не могли не повлиять на это экономический и политический фактор в жизни белорусско-украинского населения Речи Посполитой. Шляхта и магнатерия теперь ориентировалась на образ жизни западной знати [14, С. 37–38].

Поэтому власти позволяли себе ту или иную степень вмешательства в дела православных ориентируясь на их реакцию. События Брестской унии вызвали череду непоправимых последствий но вместе с тем униатство состоялось в качестве второй крупнейшей конфессии Речи Посполитой насчитывавшей к 18 в., восемь крупных диоцезий (епархий). В одной только Брестской епархии работало 306 приходских центров, разделённых между десятью деканатами, на протяжении 18 в., здесь работало 687 священнослужителей [15, S. 107–127]. Это доказывало эффективность проекта унии, но не меняло того факта, что религиозная политика Речи Посполитой оказалась её ахиллесовой пятой после того как государство превратилось из субъекта в объект международного права.

Таким образом, главный изъян религиозной политики Речи Посполитой в отношении православной церкви заключается в том, что государство выбрало в целом стандартный для той эпохи путь поглощения религиозных меньшинств, отказавшись от пути постепенной интеграции, который доказал свою эффективность в золотые годы Речи Посполитой и мог сделать страну сильным центром притяжения православных.

1. Бущик, Г. П. Экономические связи Беларуси: исторический опыт / Г. П. Бущик // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2006. – № 1. – с.100–106.
2. Виленский привилей 1563 года. / Изборник. [Электронный ресурс]. - URL: http://litopys.org.ua/statut2/st1566_01.htm – Дата доступа: 24.10.2017.
3. 3 5 января 1632. Статьи, постановленные на избирательном сейме, для успокоения православной религии в королевстве Польском и ВКЛ // Архив Юго-западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов [...] Ч.2: Т.1: Постановления дворянских провинциальных сеймов, в Югозападной России; ред. колл.: Н.Д. Иванишева. – Киев : Унив. тип., 1861. – LXIV, С. 208–214

4. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1: Са старажытных часоў да кан. XVIII ст.: курс лекцый / І. П. Крэнь, І. І. Коўкель, С. В. Марозава [і інш.]. – Мн. : РІВШ БДУ, 2000. – 656 с.
5. Коялович, М. О. Литовская церковная уния / М.О. Коялович. – Т. II. – С.-Петербург : в Типографии духовн. жур. «Странник», 1861. – 442 с.
6. Текст «Варшавской конфедерации» 1573 г. / [Электронный ресурс]. – URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Akt_konfederacji_warszawskiej. – Дата доступа: 24.10.2017.
7. Гудзяк, Б. Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії / Б. Гудзяк. – Львів : Інститут історії церкви Львівської богословської академії, 2000. – 426 с.
8. Теплова, В.А. Православная церковь Беларуси конец XV- начало XX в / В.А. Теплова - [Электронный ресурс]. – URL: <http://sobor.by/bcerk.htm> – Дата доступа: 24.10.2017.
9. Дмитриев, М. В., Флоря, Б. Н., Яковенко, С. Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в кон. 16 – нач. 17 в. в 2 частях, часть 1: Брестская уния 1596 г.: Исторические причины. / М.: Издательство "Индрик", 1996. – 230 с.
10. Власовський, І. Нарис історії Української Православної Церкви. – Т.1: X-XVII / І. Власовський. – Репринтне видання, Київ: АТ «Книга», 1998. – 294 с.
11. Грушевський, М. С. Історія України-Руси: в 11 т. – Т. 5 / Грушевський М. С.; редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. – К. : Наук. думка, 1994. – 704 с.
12. Кораблёв, Ю.Ю. Православные братства как феномен развития Киевско-Галицкой митрополии. // Творчество молодых, 2017: сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов : в 4 ч. Ч. 3 / ред. коллегия: О. М. Демиденко [и др.] ; Министерство образования Республики Беларусь, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – с. 117–119.
13. Кораблев, Ю. Ю., Паркалов А. Л. Деятельность князя Константина Константиновича Острожского в интересах православного населения Речи Посполитой до 1596 г. // Европа: актуальные проблемы этнокультуры. История и культура Беларуси: материалы IX междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 10–11 ноября 2016 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: А. В. Касович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РІВШ, 2016. – С. 64–67.
14. Флоря, Б.Н. Кризис организационных структур православной церкви в XVI в. // Дмитриев, М. В., Флоря, Б. Н., Яковенко, С. Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в кон. 16 – нач. 17 в. в 2 частях, часть 1: Брестская уния 1596 г.: Исторические причины. / М.: Издательство "Индрик", 1996. – 230 с. – С. 33–42.
15. Wereda, Dorota. Pochodzenie i wykształcenie duchowieństwa unickiej diecezji brzeskiej w XVIII wieku. / Dorota, Wereda. – Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku Studia Podlaskie. – Т. 13, 2003. – S. 107–127.